

МИХАИЛ ОДИНЦОВ

ПОЕДИНОК С “ЧЁРТОВОЙ БАТАРЕЕЙ”

Из книги воспоминаний лётчика штурмовой авиации

Днепр в начале осени 1943 года отвоевывался огнем и новыми человеческими жертвами. Наши плацдармы расширялись с тяжелыми боями на земле и в воздухе. Немецкое командование массированным применением бомбардировочной авиации пыталось помочь своей пехоте и танкам не только остановить продвижение войск Конева, но и сбросить их в Днепр.

Второй Украинский фронт все силы своей бомбардировочной и штурмовой авиации сосредоточил на помощи частям, находящимся на плацдармах. Воздушные бои набирали силу.

Аэродромы у реки Орель, с которых штурмовики летали на правый берег Днепра, оказались не счастливее других: полки дивизии платили врагу кровавую дань, не выпадало дня без минуты молчания в память о не вернувшихся из боя. Особенно тяжело переносила всё это молодежь, вошедшая в бой после Белгорода и Харькова, когда противник был выбит с укрепленных оборонительных рубежей и, отступая за Днепр, не оказывал прежнего серьезного сопротивления. Психика их не успела закалиться в горе прежних потерь, оказалась недостаточно подготовленной к начавшимся сражениям. А фашистское командование надеялось удержать “Восточный вал” в своих руках.

Получая боевые донесения летчиков, командир дивизии уловил изменение обстановки и попытался нащупать какие-либо закономерности в гибели экипажей. Постепенно, с каждым новым полетом картина прояснялась. Если по всему фронту летчики погибали от разных причин, то в одном районе главным врагом штурмовиков и бомбардировщиков оказалась зенитная артиллерия. Почти в каждом полете встречал пилотов неожиданный и точный огонь: один, реже два залпа батареи из шести орудий среднего, а может быть, крупного калибра, после которых часто, к сожалению, очень часто, один из самолетов падал подбитым.

Фашистская батарея замолкала, а огонь продолжали вести автоматические эрликоновские пушки, от которых вреда почти не было. Батарею искали попутно и специально назначенные разведчики, но безрезультатно: она по-прежнему подстерегала пилотов в своем квадрате.

О неуловимой батарее много говорили и сами летчики, и в штабах. И когда однажды под вечер меня вызвал командир дивизии, я сразу почему-то решил, что разговор пойдет о ней...

ОДИНЦОВ Михаил Петрович, дважды Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны, боевой лётчик штурмовой авиации, знаменосец Парада Победы в июне 1945 года, закончил службу со званием генерал-полковника авиации. Глава из книги его фронтовых воспоминаний публикуется нашим журналом

И верно. Едва поздоровались, генерал, давно знавший меня лично и неоднократно летавший со мною на боевые задания в порядке изучения опыта командира эскадрильи, сразу заговорил о деле:

– Обстановку в районе “чертовой батареи” и наши потери ты знаешь. Может, попытаешь счастья?.. Боец ты и разведчик глазастый и умения не занимать... Плацдармы, как видишь, почти стабилизировались. Это немцу выгодно: стрелять можно с основных и запасных позиций. Могут иметься и ложные. Вполне возможно, что батарея воюет на правах кочующей. Получается, как в присказке: у волка много дорог, а у охотника – одна.

Слушая, я понял, что решение старшим уже принято: меня посылали на поиск этой батареи. И, может быть, не на один вылет, что вероятнее всего. Предлагалась дуэль, в которой ничейный результат исключался. “Думай, Миша, о полете, потому как отказаться невозможно. Думай, как лучше ухватить эту так называемую неуловимую батарею?”

– Что, комэск, молчишь? Давай рассуждать вместе. Затем и вызывал. – Генерал взял со стола пачку папирос. Открыл ее и пододвинул: – Закуривай. И я подымлю за компанию.

Отказываться было неловко, и я взял папиросу. Разминая ее, подождал, пока закурит старший, и тоже зажег спичку. Затянулся в молчании несколько раз, и нервная взволнованность от предстоящей неизбежной встречи с опасностью, всколыхнувшая меня вначале, постепенно ослабела. Дальнейшее молчаливое сидение, как и курение, мне стали казаться фамиллярностью, и я, встав со стула, решительно затушил папиросу.

– Разрешите докладывать!

– Если готов, послушаю, – кивнул генерал. – Только откровенно.

Командир дивизии положил папиросу в пепельницу и тоже поднялся со стула.

– Лететь надо одному, чтобы получить полную свободу маневра, но с истребителями прикрытия, конечно. Второе, лететь утром, как можно раньше, пока нет гари, дыма и пожаров. Третье, в готовности для удара по батарее держать в готовности к немедленному вылету нашу эскадрилью, а мне – второй самолет,

– Разумно! Предложенный план действий принимаю. В первом полете дам на прикрытия шестерку-восьмерку истребителей. Эскадрилью обеспечим “Яками” надежней, чем обычно. Мои предложения принимаются?..

– Согласен.

– Вот и хорошо. Вылет с восходом солнца.

... День встречал в небе. Я вёл “Ил” на северо-запад. Слева снизу к самолету подплывал парящий туманным дымком Днепр. За ним виднелись правобережные холмы, с одной стороны освещенные солнцем, а с другой – пропадающие в своих же тенях, отчего местность казалась искусно закамуфлированной.

Набирая высоту, осматривал небо, рядом идущих истребителей и думал, что обстановку для соблазна зенитчиков лучше не придумаешь: на светлом, зелено-голубом небе мой самолет даже издалека представляется хорошей мишенью. Мне же надо будет обязательно вызвать огонь на себя и постараться увидеть, когда и откуда будет сделан первый, может быть, единственный залп. Обстановка благоприятная: ни пыли, ни пожаров и видимость хорошая.

Набрав три тысячи метров, высоту для штурмовика невероятно большую, но в данном случае это был мой главный жизненный резерв, уточнил по карте линию фронта на местности и повёл свой “Ил” в предполагаемую зону огня батареи, рассчитывая, что никто другой по мне стрелять не будет: на такой высоте я для всех сухопутников безопасен.

“Чтобы не сбили, надо строить противозенитный маневр с расчетом на время полета снаряда и перезарядки пушек на батарее: за пять-семь секунд уходить из ожидаемой площади разрывов на триста-четыре сотни нерасчетных для зенитчиков метров, – думал я, – Если эти условия выдержу, то они в меня при всем желании не попадут. В воздухе снаряды не довернешь”. Включил передатчик и обратился к истребителям сопровождения:

– Маленькие, за воздух полностью отвечаете вы. Мне смотреть за воздухом некогда.

– Я – пятисотый. Понятно, “горбыль”! Все будет в порядке, занимайся своим делом.

– Ремизов, смотри больше на землю, помогай искать батарею. За воздухом наблюдают “Яки”, – это я скомандовал своему стрелку, сидящему у меня за спиной в двухместной кабине штурмовика.

– Постараюсь, командир. Буду вертеть головой на все сто восемьдесят градусов. А за истребителями и небом тоже поглядывать не грех.

Веду машину то со снижением, то с набором высоты, а про себя считаю секунды: двадцать один, двадцать два... Как только называл цифру двадцать три, резко сворачиваю “Ил” на новый курс, и счет начинаю сначала.

Глаза непрерывно и внимательно ощупывают землю, еще прикрытую в низинах легкими паутинами тумана, выхватывают из её пестроты полянки, заросли кустарника, огороды и сады в хуторах. С особой старательностью осматриваю дороги, идущие “в никуда”, и, как правило, в тупиках нахожу войска, артиллерию, но не ту, которую искал. Немцы пока по мне не стреляли, и в этой “тишине” я чувствовал себя неуютно, напрягался от ощущения опасной неопределенности. В голове все время билась одна и та же мысль:

“Раз не стреляют, значит, прицеливаются. Маневрируй!”

Так, убеждая себя и успокаивая, без помех пролетел над фашистскими войсками вдоль линии фронта около двадцати километров и развернулся обратно.

“Где же она, проклятая батарея?” – успел подумать, и тут враг открыл по мне стрельбу, не захотел больше терпеть нахального разведчика.

Даю мотору полные обороты и, набирая скорость, иду через огонь. Не надеясь попасть в стрелявшие батареи, с большой высоты сбросил бомбы в двух местах и опять повёл самолет по зигзагообразной волне.

Фашисты стреляли средним калибром четырьмя, восемью или двенадцатью снарядами, передавая меня, как эстафетную палочку, друг другу. Во влажном утреннем воздухе трассы от снарядов виделись хорошо, а шестипорядная батарея молчала,

Чтобы передохнуть от напряжения и подумать в спокойной обстановке, вывожу самолет на свою территорию.

“В чем же дело? Почему не стреляла снайперская батарея? Может быть, слишком откровенный противозенитный маневр хорошо был виден с земли, и поэтому, не надеясь попасть, они не стали себя демаскировать?... Возможно, выжидали время? Тогда их задача не в прикрытии какого-то конкретного объекта, а в другом: при благоприятных условиях вести огонь на поражение, чтобы деморализовать наших летчиков и этим снизить общую эффективность их боевых действий. Если так, то задача у батареи более ответственная... Что же предпринять?”

Решился пройти над врагом по прямой, не маневрируя по направлению. Такой полет будет принят фашистами за фотографирование площади. Уж тут-то батарейный командир обязательно клюнет – более выгодных условий для стрельбы не бывает.

– Стрелок, как дела?

– У меня все в порядке, командир.

– Придется еще раз лезть черту в зубы.

– Если надо, то наше дело солдатское. Вытерпим.

– Молодец, другого ответа не ждал.

Теперь решаю зайти второй раз километров на десять севернее, чтобы расширить район поиска.

– Маленькие, если горячее есть, то пройдем еще раз, – обращаюсь по радио к сопровождавшим меня летчикам.

– Бензин пока в норме, только “мессы” прилететь могут. Разведку они не любят. Вон как всполошились.

– Успеем до “шмиттов” еще раз пройти... Пошли, что ли?

– Тебе видней. Если будет драка, уходи сразу к земле, с тобой пойдет пара.

– Ладно.

Над своими войсками поднабрал еще пятьсот метров высоты и стал заводить “Ил” в чужое, “успокоившееся” временно небо. Пока не стреляли, но я, не веря тишине, все больше и больше разгонял скорость, рассчитывая, что постоянное нарастание скорости при залпе зенитной батареи выведет “Ил” вперед разрывов, а потом и по направлению легче будет маневрировать.

Десятикилометровый отрезок пути заканчивался, когда я увидел шнурообразные следы от полета четырех снарядов. Отворачивая машину в сторону, на дальнем конце белесых следов обнаруживаю батарею из шести орудий. Мысль уловила различие между четырьмя и шестью, но тут я почувствовал удар в самолет и услышал треск разрыва.

“Это те, которых я не видел”.

“Ил” трянуло и начало опрокидывать на крыло. Обеими руками ухватил ручку управления, пытаюсь вывести самолет из крена. Но машина не подчиняется. Кинул взгляд на правое крыло и увидел в нём огромную пробоину: завернувшийся против потока воздуха дюралевый лист обшивки тормозил крыло, и от этого все больше нарастал опрокидывающий момент. Стремясь уменьшить сопротивление воздуха, перевожу машину в набор высоты и сбавляю мотору обороты; скорость начала падать. Почувствовав облегчение, понял, что управление не перебито, самолет управляем, только к нему надо приспособиться.

Тяжело дыша от усилий, спросил:

– Петь, ты живой? Не ранило?

– Нет, командир. Пронесло! Батарейку увидел! – голос был относительно спокоен. Ремизов, видимо, не представлял, сколь тяжелую борьбу за жизнь машины выиграл летчик.

– Я тоже наблюдал... – И передал истребителям: – Маленькие, уходим домой!

Решаю снижаться глубокой спиралью, которая могла быть принята противником за падение самолета, а мне позволила понаблюдать за расположением батареи, лучше запомнить местность, чтобы во втором вылете сразу точно выйти на нее.

На малой скорости, маскируясь в лучах низкого солнца, я вышел на свою территорию, перелетел через Днепр и отправил истребитель вперед себя на посадку. Я еще не знаю, как посажу машину: на обычной скорости едва хватает силы удерживать “Ил” без крена и на прямой. Но едва уменьшаю ее до скорости захода на посадку, как разбитое крыло теряет опору в воздухе и самолет опрокидывает на бок. Хотелось немедленно сесть, потому что я представлял себе непомерно трагический исход полета, если вдруг из-за повреждения взрывом лопнет какая-нибудь тяга управления. Но посадка “вне дома” делала вылет пустым, а риск неоправданным: если батарея сменит огневую позицию – надо будет искать ее снова. Мне или кому-то другому вновь придется играть со смертью.

Показался аэродром. Посадочная полоса оказалась свободной. Выпускаю шасси, и это меня ободряет: начинаю потихонечку снижаться. Внимание теперь сосредоточилось на одном: сделать так, чтобы “Ил” побежал по земле на скорости больше посадочной на целых пятьдесят километров, покатился без отскока, который мог бы его опрокинуть.

“Как только самолет коснется колесами земли, надо сразу же выключить мотор”.

Не сомневаюсь, что посажу самолет, хотя раньше ни мне, ни кому-нибудь другому в полку не приходилось проводить такой эксперимент.

“Главное, сохранить спокойствие и рассудительность – только они могут спасти жизнь самолету и экипажу. Если покрышки колес не повреждены, все обойдется...”

Нажал на рычаг включения тормозов колес – тормозные камеры держат воздух. Это уже удача... И все же: если пробита одна из покрышек, то разворот на пробеге не исключен, а тормоза для парирования разворота может не хватить.

“Ничего, тогда сразу уберу шасси и положу “Ильюху” на фюзеляж – вреда ему при ползании будет меньше, и нам с Петром безопасней”.

– Стрелок!

– Слушаю, командир.

– Когда будем садиться, осложнения могут быть. Смотри, чтобы при резком торможении тебя не ударило затылком о бронеплиту, а по зубам – пулеметом.

– Понял, как скажешь: “Садимся”, я на пол кабины сяду, а пулемет в сторону выкачу. Придержу.

Подвожу самолет все ближе к земле, стараюсь поставить его колесами на неё почти из горизонтального полета. Наконец почувствовал, что колеса кос-

нулись земли, и тут же выключаю мотор, рукой взялся за кран уборки шасси, настороженно вслушиваясь в поведение машины. Самолет пробежал метров триста-четыре по прямой на колесах, а потом опустил хвост на заднюю опору, успокоился: покрышки были целы, а тормоза исправны...

Остановились. Самолету повезло – ломать его уборкой шасси не пришлось.

В наступившей тишине, в отсутствии рабочих вибраций, с удивлением ощутил, что все мое тело дрожит, а из глаз льются слезы. И понял – дрожь и слезы не от страха, а от резко наступившего облегчения, оттого, что пропала тяжесть физического и нервного напряжения.

“Ничего, пока подъедут люди – это пройдет”.

Вытерев рукавом пот и слезы с лица, открыл фонарь, затем расстегнул привязные ремни и парашютные лямки и, поднявшись из кабины, сел на ее борт.

Прошла целая минута, пока из второй кабины показалась голова стрелка и его улыбающаяся физиономия. Убедившись, что Петр цел и невредим, спрыгиваю с крыла на землю и ложусь на спину, разбросав руки и ноги в стороны и закрыв глаза: спину ломило, а дрожь в руках и ногах не проходила. Сумел расслабиться, потряхивая мышцами. Слушаю тело и явственно ощущаю, как с него стекает в землю напряжение.

Услышал, как стрелок громыхнул сапогами по металлу крыла, его прыжок на землю, шаги и тревожный голос:

– Что с тобой, командир? Ранен?

Я открыл глаза. Потянулся, как после сна.

– Нет, целый! Просто отдыхал. Посмотрим пробоину. Молодец, “Илюха”...

Я нырнул под разбитое крыло: через пробоину виднелся большой кусок неба.

– Ремизов, иди сюда!.. Становись рядом!

Места в дыре хватило на двоих. Рваные лохмотья дюрала по краям пробоины пахли порохом и не помешали нам встать во весь рост.

– Теперь видишь, что такое “Ил”? Любая другая машина потеряла бы крыло в воздухе. А эта – летать будет.

– Уразумел, командир. Спасибо Ильюшину и рабочим за такую машину. Сколько раз она уже нас выручала, да и не нас одних...

Сказав это, он посмотрел в мое потное осунувшееся лицо и только тогда по-настоящему осмыслил, какую опасность мы пережили. Вспомнил, что в случае удачной разведки планировался второй, уже групповой вылет. Непроизвольно спросил:

– Командир, еще полетим?

– Обязательно. И чем быстрее, тем лучше.

Подъехал командир.

– Одинцов, вылезай!.. Рулить можно или нет?

– Можно. Мотор и тормоза исправны. А по-другому было не посадить.

– Вижу... Нашел?

– Разыскал пушкарей. Надо быстрее лететь.

– Тогда поехали к летчикам. Самолет без тебя уберут.

Через пятнадцать минут я вновь был в воздухе. Вёл эскадрилью за Днепр, имея только одну задачу – уничтожить найденную батарею.

Девятка “Илов” летела низко над землей. Мы получили разрешение на немой полет до цели и не взяли с собой истребителей на непосредственное прикрытие, чтобы они хождением над “Илами” не демаскировали группу. Истребители летели к линии фронта отдельно, обязавшись ждать моего возвращения из немецкого тыла западнее переправ через реку, чтобы помочь мне, в случае необходимости, в расположении своих войск.

Конечно, такой план взаимодействия был более сложен и рискован, но комэск и командиры полков знали своих летчиков и стрелков: надеялись, что десяток километров самостоятельного воздушного боя с “мессершмиттами” “Илы” выдержат успешно.

Прошло около сорока минут после того, как батарея подбила меня. Торопился, не жалел моторов и выжимал из них последние силы. Меня беспокоил один вопрос: сменили ли зенитчики огневую позицию, или нет? Думал, сопоставлял, волновался и надеялся: за это время переехать в другое место не ус-

пеют. На новое место из-за одного сделанного залпа они не переедут, тем более что я не докладывал по радио об их расположении. Батарейцы, должно быть, самонадеянны: маскируются хорошо, стреляют метко и мало, никто их тут еще не бил...

Промелькнул Днепр. Осталась позади линия фронта. Я покачал свой самолет с крыла на крыло, подал сигнал: "Перестроиться в колонну звеньев и снять оружие с предохранителей". Через несколько секунд стрелок доложил:

— Командир, эскадрилья в колонне. Воздух спокоен.

... "Илы" преодолевали последние километры ложного боевого курса. И я все сильнее ощущал, как во мне нарастает напряжение. Ощущения были для меня не новы. Но сегодня я их чувствовал острее, чем обычно: летящая навстречу опасность неоднократно проявляла себя, а сегодня чуть не отобрала у меня со стрелком жизнь, хотя, как казалось мне, я сделал все, чтобы самолет не встретился с залпом.

Состояние напряженной тревоги не подавляло мою волю, а заставляло действовать хитрее и внимательнее.

"Трудись, Миша! Старайся! За тобой люди. Доверяют тебе свои жизни, надеются на твой разум!"

Еще раз осмотрел пространство впереди: по ним никто не стрелял, ясная синева воздуха была пуста и прозрачна, а всхолмленная, перемежаемая перелесками местность в своем разнообразии прятала эскадрилью и глушила звук работающих моторов.

— Петя, как за хвостами?

— Чисто! Чужих самолетов и стрельбы не наблюдаю. Наши идут хорошо. — Ладно! Почувствовал в себе еще большую уверенность.

— Если батарея на прежней позиции, то идем мы для неё с полной неожиданностью, потому что стрельбой нас никто не демаскирует. Попрошаются фрицы с жизнью, и пушечки их на металлолом пустим... Стрелок! Смотри за воздухом. Я займусь целью. Помни — два захода.

— Работай, командир!

Качнув машину, начинаю крутой левый разворот, после которого повел эскадрилью на юг. Стрелок докладывает, что последнее звено тоже вышло на новое направление. И когда до батареи осталось полтора-два километра, посылаю "Илы" в набор высоты. В этом полете нужны были не тысячи, а всего лишь триста-четырееста метров для окончательного визуального уточнения курса на цель, прицеливания, стрельбы в упор и бомбометания.

Самолет набрал около ста метров, и прямо по курсу я вижу высланные зелеными маскировочными сетями орудийные окопы, зенитные пушки и бегущих к ним людей. Убедившись, что вышел на цель точно, злорадно усмехнулся: по позиции бежали бывшие снайперы. Участь их была уже предрешена. Еще несколько секунд — и конец. Чтобы дезориентировать запоздалые действия батареи, короткими очередями повел стрельбу из пушек и в то же время передал по радио:

— "Горбыли", повторяю: первый заход — пушки, пулеметы, бомбы серийей! Правый разворот! Второй заход — пушки, пулеметы, реактивные снаряды залпом!

Маскироваться и хитрить больше не было нужды. Начал готовиться к сбросу бомб, рассчитывая серией перекрыть огневую позицию батареи, но в это время заработал пулемет стрелка.

— Что у тебя?

— Эрликон начал стрелять. Придушил.

— Скажешь, когда цель пройдет замыкающее звено.

— Прошли! Начали рваться бомбы.

— Группа, правый разворот!.. Небось, жарко фрицам...

Самолеты звена прошли по кривой разворота сто двадцать градусов, и я увидел за последним звеном полыхающее пламя взрывов: летела вверх земля и вместе с ней какие-то бревна, возможно, пушечные стволы. Стрелять прицельно в огромное облако огня и дыма было невозможно, но разгром требовалось закончить.

Уточняя задачу для подчиненных:

— Головное звено стреляет по центру взрывов, второе — по левому краю, замыкающее — по правой стороне! В дым не заходить! Широко не размыкаться!

Звенья друг за другом спикировали на огромный клуб дыма, пыли и огня. Вогнали в него оставленные на второй заход реактивные снаряды. И, натужно воя двигателями, устремились на восток.

– Стрелок, все идут?

– Все, командир! Стрельбы по самолетам нет.

– Так-то!.. Горбатые, из пушек и пулеметов стрелять по любому подозрительному кусту, пусть немчура полежит на брюхе, пока мы пройдем! Огонь прекратить по моей команде!..

Снайперская батарея больше не стреляла, другие – попадали в самолеты значительно реже, и стреляли зенитчики особенно плохо, когда “Илов” приходило на цель сразу много.